

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ВЕКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ НАПРАВЛЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Аннотация: Создание правового государства имеет целью защиту прав общества и отдельного человека во всех сферах жизни. Стремление к реализации этой цели должно стать определяющим фактором и в экономике. Недостатки в ранее действующем антимонопольном законодательстве не позволяли адаптировать регулирование конкурентных отношений к реалиям российской экономики. В статье высказывается мнение, что для противодействия преступности в экономической сфере гуманизация уголовного законодательства может и должна проводиться в направлении предотвращения недобросовестной конкуренции со стороны хозяйствующих субъектов, злоупотребляющих своим доминирующим положением. Поскольку в экономике России, в отличие от западных стран, и в настоящее время большую роль играет государство, многие рынки монополизированы либо государственными и муниципальными предприятиями, либо хозяйственными субъектами, образованными в результате приватизации. Для обсуждения и критики предлагается основанный на анализе недостатков антимонопольного законодательства путь снижения уровня преступности в сфере экономики.

Ключевые слова: права человека, гражданское общество, монополизм, защита конкуренции, хозяйствующий субъект, доминирующее положение, преступный сговор, картель, приватизация, политика

Опыт философско-правового или теоретического осмысления направлений совершенствования правовой политики по противодействию преступности в сфере регулирования антимонопольных отношений в контексте основных прав человека в современной России, предполагается, сократит усилия по реализации данной политики.

Предлагая читателю размышления о необходимости изменения подхода в правовой политике и правовом регулировании конкуренции, мы далеки от мысли, что нас обязательно правильно поймут и сделают выводы, ожидаемые нами. Однако ученый часто занимается исследованием не потому, что его результаты будут использованы в настоящее время. Нередко бывает, что те или иные размышления становятся востребованными через какое-то время, показывая, что предмет исследования все-таки является актуальным для общества и государства.

Мы не можем согласиться с мнением И.Н.Исакова, утверждающего, что «в целом научные познания о правовой политике все еще невелики». Иное дело, что данный автор может быть мало знаком с таким обширным предметом, как История правовых и политических учений. Выводы о том, «прежде чем политика станет правовой, само право должно стать политическим, то есть оно должно обладать свойствами политики, отражать ее сущность, «понимать» ее цели, задачи и стратегическую направленность», на самом деле не новы. Политика, на наш взгляд, без права

существовать не может, равно как и право – всегда связано с политикой, о чем говорил еще основатель советского государства: Закон есть мера политическая, есть политика. Если подобным образом рассуждает «специалист» по теории государства и права, то создается впечатление, что кроме этого «специалиста» все остальные коллеги, участвующие в законодательной, исполнительной и правоохранительной деятельности власти в России, даже и не имеют представления о том, что такое политика, да еще и правовая.¹

Нет, мы исходим из того, что управленцы в настоящее время весьма образованные специалисты, подчас имеют широчайшие познания в своем деле, вот только, полагаем, что вектор правовой политики в настоящее время имеет не ту направленность, которая бы способствовала большим достижениям «в обеспечении устойчивости социальных отношений». (Иванов, А.М.). Дело, как раз все в том, что какой бы объем литературы ни написали теоретики, политики подразумевают, как верно И.Н. Исаков делает ссылку на Ж.Френа именно «деятельность». А деятельность всегда связана с волей, с выбором действующего лица, в каком направлении он в данный момент предпочитает, в силу различных обстоятельств, действовать. Иными словами,

¹ Исаков И.Н. Современное обоснование теоретических основ Российской правовой политики. // Актуальные проблемы Российского права, 2009, №2, с.4-11.

Трансформация правовых и политических систем

правовая политика, в частности, как и политика в целом, есть направленность воли действующего политического лица (отдельного деятеля, либо партии). Поэтому исследователи могут анализировать происходящее и всего лишь призывать деятелей, чтобы они прислушались к тому, что, по мнению исследователей, является в данное время полезным для конкретного общества.

Между тем, подобные смущения одолевали еще в начале XX века американского исследователя методов воздействия на преступников, Генри М. Буайе, который предварял свой труд (по Пенологии) такими словами: «Чем более мы знакомимся с деталями попыток общества обеспечить защиту от преступников, с древних времен и до наших дней, тем основательнее поддаемся впечатлению о беспорядочных затратах и их бесполезности. Несмотря на огромные издержки в усилиях и денежных средствах, преступность продолжает расти, а население чувствует себя незащищенным. Законы – не защищают».² Казалось бы, почему тогда в настоящее время, спустя более ста лет, ученые продолжают свои исследования, ведут поиск наиболее эффективного воздействия на преступников, разрабатывают все новые законы? Ведь, действительно, пессимизм, съедавший Буайе, в наше время имеет куда больше оснований. Означает ли это то, что мы должны прекратить опыт исследования преступности и методов воздействия на нее? Думается, как раз напротив. Исследования должны предпринять более охватывающий масштаб, поскольку в наши дни мы наблюдаем все большую интеграцию стран в ходе глобализационных процессов. Взаимопроникновение правовых систем, а, значит, и взаимодействие стран в политико-правовой сфере, имеет свои заметные преимущества, хотя и не лишены недостатков. Однако надежда на то, что изучение положительного опыта воздействия на преступность даст свои результаты, тоже возрастает. Почему? На наш взгляд, потому, что культура приобретает унифицирующий характер. Если посмотрим на тенденции в средствах массовой информации, то убедимся, что материальные запросы в разных странах уже практически нивелированы. К сожалению, но это – факт, такая же тенденция отмечается и в состоянии духовных запросов. Следовательно, воздействие также предполагается все более унифицированным...

Посмотрим же, какие шаги были пройдены теми, кто участвует в формировании правовой политики в сфере регулирования экономики, в частности, в защите добросовестной конкуренции.

В различные эпохи проблема прав человека, по существу оставалась политико-правовой, в зависимости от расстановки социальных сил, культуры и традиций, приобретала либо религиозное, либо этическое, либо философское,

либо экономическое звучание. Идеал правовой политики закрепляется в основном законе страны. Конституция Российской Федерации 1993 г. высшей ценностью, то есть идеалом, на который нужно ориентироваться, провозгласила права и свободы человека и гражданина. Правда, без указания – на основе каких ценностей.

Антимонопольное законодательство направлено на формирование свободного развития экономики в условиях «естественной конкуренции». Конкуренция в переводе с латинского буквально означает «соревнование», «состязание». Понятно, что если два и более лица соревнуются между собой в каком-либо деле, то это дело развивается гораздо быстрее, ибо идет разработка проблемы в одном направлении не «одной головой», а двумя и более (вспомним поговорку: «одна голова – хорошо, а две лучше»). Развитие дела может выигрывать, однако общественная польза от этого наступает не всегда. Например, в случае соревнования с антиобщественной направленностью. Так, гонка вооружений хотя и приносит выгоду для предпринимателей, производящих оружие и его сбыт, но для человечества за этим стоит очевидный вред. Также конкуренция в среде организованной преступности за сферу влияния и пр. К последнему виду соревнования, думаем, можно отнести и создание картелей, заключение соглашений между одними производителями, с целью устранения «здоровой конкуренции». Хотя это тоже своего рода «конкуренция», только она приобретает отрицательную направленность и превращается в «недобросовестную конкуренцию». Здесь в соревнование допускают только тех участников, которые своей деятельностью способствуют увеличению максимальной прибыли. Одновременно с помощью демпинга, лоббирования и прочих средств устраняются иные соперники. В таком случае, заметим, страдает и само дело, да и прибыль участников такой недобросовестной конкуренции резко снижается, поскольку она затрачивается на подавление активности соперников. Но не только прибыль для конкурентов уменьшается, происходит уменьшение материальной и моральной пользы для общества и отдельного человека. Так как при недобросовестной конкуренции у ее участников формируется комплекс амбиций, извращающих нравственные ценности.

Идея прав человека, полагают некоторые исследователи, в смысле идеи прав личности – неразрывно связана с историей развития права, правовых учений, становления юридического мировоззрения. И это понятно. Поскольку степень и характер развитости прав человека, форма их реализации определяются уровнем развития правосознания и права в обществе. «Право вообще и права человека (в тех или иных формах и объемах их бытия и выражения) – это необходимый, неотъемлемый и неизбежный компонент всякого права как права вообще, определенный (а именно – субъективно-человеческий) аспект выражения сущности права как особого типа и специфической фор-

² Henry M. Boies. The Science of Penology. The Defence of Society against Crime. – New York, London, 1901. p.V.

мы социальной регуляции. Право без прав человека так же невозможно, как и права человека без и вне права». ³ Вместе с тем, М.И. Абдулаев вносит оговорку, что права человека, как и само право, *социально обусловлены* и зависят от степени развитости каждой ступени человеческой цивилизации. Поэтому развитие идей о правах человека и их юридическое признание должны рассматриваться в контексте генезиса самого права, правовых принципов, ибо в содержательном отношении права человека и составляют сущность права как такового. ⁴ Различие во взглядах исследователей часто бывает связано с положением исследователя в обществе, или, иначе, с тем, выразителем чьих интересов он является, вольно или невольно.

Если общество никогда не существовало вне власти (или хотя бы подобия власти), и не может объективно существовать, без властных структур, то мы должны четко понимать, что с развитием общества меняется содержание воздействия власти, используются новые «государственные» формы воздействия на членов общества. ⁵ Подобное может иметь место и в складывании монопольных отношений в экономике, когда придается конституционный облик для произвола, скрытого под прецедентом. Идея создания «правового государства», вернее внедрение ее в жизнь, необходимо влечет за собой распространение мер, направленных на подавление преступности, или, другими словами, установление «конкурентов» в создании «правового государства», а это есть область публичного права. С этим могут быть связаны следующие выводы: 1) общество постепенно пришло к выяснению двух взаимосвязанных и взаимообусловленных сфер: гражданского общества и публичной сферы; 2) индивид присутствует в этих сферах в различных качествах: биосоциальном, как человек, и как политический индивид – гражданин; 3) сфера политики, где индивид выступает как активный гражданин, становится вторичной по отношению к сфере личной свободы и обслуживает ее, так как свобода является важнейшей социальной ценностью, а стремление к свободе – свойством личности, нуждающейся в самовыражении; 4) право и политика представляют собой различные системы, где правовая – результат продолжительной эволюции идей, а политическая оформляется вследствие развития институтов публичной власти. Но эти две системы суть как две стороны, все-таки *одной* медали с названием «регулятор

общественных отношений». Право, в своем идеальном стремлении, в выражении определенной цели общественного состояния, представляет, в этом случае, стратегию (у Канта – цель общественной жизни); политика становится тактикой. Политика есть мера реализации права и в то же время право – в смысле закона – есть концентрированное, формальное выражение политики. Оба явления взаимно дополняют друг друга, взаимно обуславливают, взаимно проникают: без права нет и не может быть политики, равно и наоборот. Произвол и нарушение законности, злоупотребление правом есть не что иное как гипертрофированно обостренное, извращенное понимание права, извращенное соотношение объективного и субъективного, подмена последнего первым; узурпация тех полномочий, которые перекрывают возможности по исполнению обязанностей. Все это может приводить, и приводит, к нарушению равновесия – дисбалансу – общественных связей и, в конечном итоге, к дестабилизации отношений. Для исправления, принимаемые меры раскачивают общественные процессы в обратную сторону – подобно маятнику – и могут привести к очередному искажению справедливости, уклонению в противоположную крайность – каковым является так называемое «правовое государство», где «верховенство закона» узурпирует возможности политики. Это, опять-таки, происходит от невнимательного отношения к понятию права, постоянной подмены и смешения права и закона. Думается, отчасти это связано с американизацией государственного образа мышления, где «law» обозначает и право, и закон.

Исправление недостатков, в свою очередь, полагаем, возможно при совпадении ценностных ориентаций политических руководителей с ценностными ориентациями Закона. При отсутствии противоречий в оценках мировосприятия перекосы и крайности исчезают сами собой. ⁶

Любопытно, что в наше время вопросом о защите прав человека занимаются либо цивилисты, либо специалисты уголовного права, изредка правозащитники, но никак не специалисты в области общей теории права. Между тем проблематика правовой охраны этих благ напрямую затрагивает фундаментальные принципы правового государства и имеет правозащитную направленность. Ибо здесь возникает вопрос о соотношении права на защиту чести и достоинства с другим важнейшим правом – на свободу выражения убеждений и мнений. Это также напрямую соотносится с правовыми принципами религиозного и идеологического плюрализма ⁷, закрепленного в Конституции РФ. Однако отраслевые специалисты, как

³ *Нерсесянц В.С.* Права человека в истории политической и правовой мысли (от древности до Декларации 1789 г.). Цит. по: Абдулаев М.И. Права человека и закон: историко-теоретические аспекты. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. с.10.

⁴ *Абдулаев М.И.* Права человека и закон: историко-теоретические аспекты. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. с.10.

⁵ *Квачева П.И.* Социогенез идеи личности и государства (теоретико-правовое исследование). // Автореф. дис. ... док. юрид. наук. – М., 2002. с.41-42.

⁶ *Симеонова И.В.* Права граждан: политико-правовая природа (опыт болгарского конституционализма). // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. с.14.

⁷ *Сидоров В.А.* Право на защиту чести и достоинства: соотношение права и морали. // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. с.5.

Трансформация правовых и политических систем

правило, рассматривают проблематику защиты чести и достоинства вне общего правозащитного контекста.

С тех пор, когда Эдвин Сатэрленд предложил свое определение криминологии как «изучения создания законов, нарушения законов, и реакции на нарушение законов», среди исследователей в этой области произошло разделение на тех, кто занимается либо реакцией на преступность («создание законов», «реакцией на нарушение законов»), либо причинами преступности («нарушение законов»). Если, по сути, занятие реакцией на преступность является исследованием правосудия, то, равным образом, по сути, занятие причинностью является исследованием общественного порядка. Отсюда иногда выводят, что криминология имеет два главных направления, которые фокусируют свое внимание либо на уголовном правосудии, либо на общественном порядке. Но ведь и то и другое имеет ясное отношение к демократии.⁸

Быстрый рост преступности затрагивает не только демократизацию стран в переходном периоде. Например, к 1960-м годам довольно продолжительное снижение уровня насильственных преступлений во многих установившихся на Западе демократиях остановилось. А затем кривая уровня преступности поползла вверх, и в последние десятилетия некоторые западные страны переживают резкий и серьезный рост, в частности, уровня уличной преступности. Поскольку уровень преступности в западных странах возрастает, а с этим возрастает и общественное ощущение неуверенности, появилось популистское давление в отношении увеличения наказаний в приговорах по уголовным делам и ограничения защиты гражданских свобод в борьбе с преступностью (Garland).⁹

Преступность и общественный контроль напрямую связаны с прочностью и стабильностью демократии. Так, высокий уровень преступности способствует росту ощущения личной неуверенности и подрывает степень доверия в обществе, что в свою очередь, подрывает авторитет и ставит под сомнение легитимность демократических учреждений. (LaFree).¹⁰ Преступность также указывает на существующие провалы в обществе, которые могут угрожать стабильности демократических режимов. Она стремится к повышению своего уровня в экономическом неравенстве, а неравенство подрывает основы демократии.

⁸ *Susanne Karstedt, Gary Lafree. Democracy, Crime, and Justice// The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science, 2006, May 4. p.6-23; а также: Gary LaFree, Romachi Tseloni. Democracy and Crime: A Multilevel Analysis of Homicide Trends in Forty-Four Countries, 1950-2000. Ibid, p.25-49.*

⁹ Цит. по: *Susanne Karstedt, Gary Lafree. Democracy, Crime, and Justice// The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science, 2006, May 4. p.8.*

¹⁰ Цит. по: *Susanne Karstedt, Gary Lafree. Democracy, Crime, and Justice// The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science, 2006, May 4. p.9.*

Повышение уровня преступности вызывает трения между экономическими, расовыми, этническими и религиозными группами. Преследуемые страхом те, кто обладает ресурсами, могут оставить сферы с высоким уровнем преступности. Преуспевающий человек в обществе с высоким уровнем преступности старается жить в высоко защищенном окружении, перемещаясь из огороженных стенами домов в пригородах с частной системой безопасности, пользуясь автомобилями с противоугонной сигнализацией и иными устройствами безопасности, чтобы работать в офисах с частной службой безопасности и вырабатывать свойства противодействия преступности. Однако для общества в целом это не выход. Общество нуждается в повышении стабильности в развитии благосостояния и чувства безопасности для всех своих членов.

При разработке мер по преодолению преступности в сфере экономики полезно учитывать не только зарубежный, но и отечественный опыт. Едва ли «любое» заимствование зарубежного опыта способно дать ожидаемый результат. Недостаточный учет этого приводит к тому, что система преступлений и наказаний трансформируется из восстановительной (Русский подход) в карательную, с сохранением некоторых прежних композиций в системе наказаний. Средневековое уголовное право опиралось на доктрину законности, предполагающую правовое равенство всех свободных перед законом, в чем исследователи замечают влияние христианства. Вина из объективного вменения приобретает характер субъективного вменения.¹¹ Особенностью уголовного права Древней Руси было сочетание индивидуальной и коллективной (почти корпоративной, если рассматривать общину как разновидность корпорации) ответственности за совершаемые преступления.

Важнейшую роль в генезисе права в целом и формирования индивидуального правосознания, то есть права отдельного человека играет культура общества. А право в свою очередь легитимирует культуру, законодательно оформляя ее, придавая ей общеобязательный характер, создавая устойчивые основы для естественного развития общества. Отсюда современное право, формирующее деструктивные ценности, легитимирует, порой, антинародную, антигуманную культуру, когда, под предлогом развития права и свободы слова и печати, фактически запрещает цензуру на зло.

Таким образом, государство формирует нормы права под воздействием социокультурных условий, с одной стороны, но и сами нормы испытывают на себе влияние социокультурных условий. Возможно, ложно понимаемое чувство «позволено все, что не запрещено», формирующее ощущение вседозволенности, приводит и к возникнове-

¹¹ *Момот В.В. Формирование русского средневекового права в IX – XIV вв. // Автореф. дис. ... док. юрид. наук. – М., 2003. С.14.*

нию «недобросовестной конкуренции, когда изначально устремление на пользу дела и общего блага резко меняет свою направленность в противоположную сторону. А вот средневековое право отличает системное единство права. Это находит выражение в нерасчлененности производственной и духовной деятельности, преобладании межличностных отношений, коллективизме и высокой степени духовной регуляции¹², что, на наш взгляд, позволяло создать идеал государства как «Святой Руси». Роль государства в процессе дальнейшего формирования правосознания становится все более заметной. При этом значительное влияние на становление Русского правосознания оказала идея «симфонии властей».

Свобода личности предполагает не только уверенность в личной безопасности и возможность беспрепятственно выбирать и менять место своего жительства, но и свободу совести, не подвергаясь никаким ограничениям в гражданских, политических и экономических правах.

Представляя собой одно из ключевых понятий современной юридической науки, парадигма законности подлежит переосмыслению с позиций следующих факторов: 1) качество закона; 2) отношения различных социальных групп к закону; 3) механизмов исполнения законов; 4) правовой политики государства.

Фактор первый – качество закона. Здесь, в первую очередь, важно определение критериев, которым он должен отвечать для того, чтобы служить регулятором общественных процессов. При этом, сторонники естественно-правовой концепции последовательно развивают идею так называемого правового закона, который, по их мнению, должен отвечать требованиям равенства, свободы, гуманизма и справедливости, легитимности... Тот факт, что право, по их мнению, во всех своих проявлениях – и как совокупность позитивных юридических правил, и как система развивающихся общественных отношений, правосудие, должно быть пронизано нравственностью, особых возражений не вызывает. Правда, поддерживающие идею «правового закона», отмечают, что только применение таких законов создает так называемую правозаконность, в наибольшей степени отвечающую правовой государственности. Однако использование на практике понятия «правовой закон» встречает серьезные трудности. В обществе с разноречивыми интересами, то есть в «плюралистическом обществе», вообще невозможна однозначная характеристика принятого закона как правового или неправового, поскольку идеи равенства и свободы, гуманизма и справедливости допускают различие толкований в зависимости от того, какие интересы при этом преследуются участниками общественных отношений.¹³

¹² Там же, с.15.

¹³ Экимов А.И., Сауляк О.П. Обеспечение законности как гарантия реализации прав человека. // Российская и европейская

Следовательно, для единообразного толкования законов – нужна единая идеология. Иначе формируется база для самооправдания со стороны нарушителей добросовестной конкуренции.

Существует четыре типа социального взаимодействия, участником которых является человек: 1) человек – государство (публичная власть); 2) человек – общество (макросоциум); 3) человек – социальная группа (микросоциум); 4) человек – человек. И в каждом из этих типов взаимодействия проблема приоритета прав «выстраивается» по-разному. Думается, здесь кроется ошибка, которая состоит в том, что происходит «закливание» именно на «приоритете», когда ставится вопрос о том, что приоритетно для человека или общества: права или обязанности... Полагаем, что следует постоянно помнить, и напоминать, о неразрывности этой дихотомии/антиномии, что приоритетно – и то, и другое. Нам нужно гармоничное общество, симфоничное развитие индивидуума и социума; телесного и духовного, социального и государственного. Так, возникает вопрос: всегда ли в ситуации противостояния личности и государства следует исходить из презумпции приоритета прав человека, или есть случаи, когда признание такого приоритета опасно для самой личности? На практике вовсе не простой является и проблема, как следует поступать в случаях, когда права и интересы одной личности приходят в противоречие с правами и интересами другого индивида, коллектива, общества в целом.

В ст.55 Конституции РФ исчерпывающим образом перечислены случаи, когда права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом. Это возможно в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Отдельные исследователи, учитывая это, приходят к выводу, что несоблюдение позитивного закона не может быть признано правомерным поступком субъекта даже в том случае, когда позитивный закон с позиций участника общественных процессов противоречит так называемому духу права. Нельзя нарушать законность, ссылаясь на «правовой закон».¹⁴

Фактор второй – отношение различных социальных групп к закону. Это отношение в значительной степени определяет уровень реализации прав человека в той или иной стране. Правоведу всегда необходимо знать, рассматривается ли закон обществом как средство подавления, выражения чуждой воли, или же этот закон в большей или меньшей степени соответствует интересам того, кто его должен исполнять.

правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: Сб.статей./ Под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2003. с.222.

¹⁴ Там же, с.223.

Трансформация правовых и политических систем

Фактор третий – механизм реализации законов, от которого во многом зависит успешное обеспечение законности. Утверждение «порядок во власти – порядок в стране» давно уже стало аксиомой. Но именно от государства сегодня часто исходит реальная угроза правам человека. Именно государственные органы и их должностные лица нарушают меру легально дозволенного. Рядовой гражданин часто оказывается беззащитным не только перед представителями криминального мира, но и действиями чиновников и бюрократов.

Фактор четвертый – правовая политика государства на конкретных этапах его исторического развития. Признаками социального государства являются: 1) правовая природа осуществления социальной политики, обязанность государства контролировать и регулировать социальные процессы; 2) наличие системы социального страхования; 3) бюджетные социальные выплаты; 4) наличие государственных систем социальной защиты, социального обеспечения и обеспечения занятости; 5) доступность социальной поддержки государства для всех членов общества; 6) признание ответственности социального государства за уровень благосостояния своих граждан; 7) создание условий для развития гражданского общества.

Говоря о сущности социального государства, необходимо определить функциональную деятельность государства: она должна быть направлена на достижение благ человека, его нравственного, материального и физического благополучия, максимальной правовой и социальной защищенности личности.¹⁵

Таким образом, социально-экономические права – права, касающиеся положения человека в сфере труда и быта, занятости, благосостояния, социальной защищенности и имеющие своей целью создание условий, при которых люди должны быть защищены, оказавшись в трудной жизненной ситуации, как со стороны государства, так и со стороны общества. Социально-экономические права хотя и являются самостоятельной группой прав и свобод граждан, но самостоятельно от других прав и свобод существовать не могут.¹⁶ Сама природа социально-экономических прав – прав человека второго поколения – напрямую связывает их осуществление с выполнением государством определенных обязательств в области социальной политики. Социально-экономические права имеют специфические особенности, делающие их весьма зависимыми от устойчивости политики государства.

В настоящий период развития нашей страны, думается, государство должно вмешиваться в экономику,

преследуя, прежде всего, социальные цели, цели защиты интересов человека.¹⁷ И, если, например, к основным правовым средствам осуществления социальной политики – трудовое законодательство, законодательство о социальном обеспечении добавить силы общества, то государству будет гораздо легче реализовать цели социального государства.

Реализация личностью своих прав есть показатель эффективности правового регулирования, достижение этого максимально возможно при совпадении интересов личности и государства. Юридические гарантии в механизме непосредственной реализации прав и свобод личности имеют многофункциональное значение и выступают в качестве стимулирующих, правообеспечивающих и охранительных положений.¹⁸ Под эффективностью реализации законодательства имеется в виду соответствие правовых норм тем общим или конкретным социально-экономическим, идеологическим, культурно-психологическим и организационным условиям, в которых они действуют.

Серьезной проблемой на пути эффективного функционирования механизма непосредственной реализации становятся дефекты правосознания личности, любая ее разновидность становится помехой при реализации личностью своих прав... Способы решения данной проблемы разнообразны и она включает усилия как государства, так и самих граждан.¹⁹

В поле зрения такой либерально-индивидуализирующей позиции следует, пожалуй, отнести также обоснование прав человека, выводимые из рационализма, утилитаризма, экономизма и экзистенциализма.²⁰ Но если рационализм равно изображает современное действие естественного права разума и постулирует в обновлении стоического универсализма свойственный всем людям идеально-субъективный принцип свободы, то подходы утилитаризма и экономизма, а также некоторые подходы в экзистенциализме основываются на уровне потребностей и воли или желания человека. При этом как утилитаристская, так и экономическая модель ориентируется на оптимизацию счастья людей (совокупного человека или человечества в целом), хотя оба направления рассматривают, с большей или меньшей степенью интенсивности, «наибольшее счастье наибольшего числа» (Дж. Бентам). Реализация этой цели, конечно же, предполагает известную гарантию права свободы в экономической сфере, то есть, прежде всего, гарантию права собственности и

¹⁷ Там же, с.15.

¹⁸ *Белянская О.В.* Механизм непосредственной реализации прав и свобод личности. // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2003. С.10.

¹⁹ Там же, с. 25.

²⁰ *Зеельманн К.* Философия права. / Пер. с нем. А.М. Иванов. – Владивосток, 2003.

¹⁵ *Александрова А.П.* Защита социально-экономических прав и свобод: общетеоретический анализ. // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2002. С.8.

¹⁶ Там же, с.11.

обеспечение свободы торговли и ремесла или профессии или рода деятельности. Свободный рынок и свободный товарообмен в определенной мере гарантируют сами по себе создание общего благополучия, поскольку считается, что «интересам *всех* лучше всего служат там, где *каждый* действует по *своим* интересам. Думается, однако, что это не совсем так, ибо тогда хаос не позволит *всем* стремиться к благу *каждого*, которое будет упорно сводиться к *своему* (собственному) благу, а не к благу *каждого* иного. Первые разработчики идеи прав и свобод человека считали, что общее благополучие наилучшим образом развивается тогда, когда государство как можно меньше занимается регламентацией. Данному положению, следует заметить, противоречит современная теория демократии как «правового государства», отличающегося, как известно, строгой регламентацией всех сфер жизни и именно верховенства этой регламентации.²¹ Ибо свобода общества в целом и отдельного индивида включает в качестве необходимого условия защиту различных материальных и нематериальных форм имущественных прав. Гарантии прав и свобод неизбежно должны быть регламентированы, закреплены в законе. Представляется, что государство призвано сыграть непосредственную роль в организации баланса ролей экономики и демократии. Иными словами, если общество и отдельный индивид стремятся к свободе, то они стремятся и к гарантиям защиты этой свободы, а таким гарантом более надежным, чем государство, пока никто не является.²²

На заднем плане такого взгляда находится представление о том, что использование свободы всеми управляется «невидимой рукой», которая в экономической сфере почти незаметно ведет людей путем наибольшей свободы действия к всеобщему благополучию.²³

Те же социально-экономические и иные «права», которые относятся ко «второму» и «третьему» поколениям, во многих случаях ставят человека не только в зависимость от

уровня развития общества, его богатства, но и зависимость от власти, от ее состояния и усмотрения чиновников...²⁴

Имеется мнение и о том, что точное исполнение законов ограничивает личную свободу, столь дорогую человеку и просвещенному законодателю, подвергая в то же время невинного всем тем тяготам, которые должны выпасть на долю виновного. Эти законы (!) ухудшают положение тех, кто подвергается нападению, и улучшают положение тех, кто нападает. Наконец, утверждал Ч.Беккариа, ложность понятия пользы проявляется в тех случаях, когда суть предмета приносится в жертву его названию, а понятие общественного блага противопоставляется единичному благу каждого из частных лиц в отдельности.²⁵ Человека, живущего в обществе, дурные (не все, но – именно дурные) законы побуждают иногда наносить ущерб другим людям без всякой для себя выгоды...²⁶ Потому, полагаем, важно обозначить нравственную шкалу, на которой будут выстраиваться законы добродетельные, а дурных – не будет. В связи с этим возникает интересный вопрос: а можно ли создавать картели, стимулируя их государством, чтобы направленность их соглашений имела большую общественную пользу, чем при их антиобщественной направленности?

Гражданское общество и правовое государство логически предполагают друг друга – одно немыслимо без другого. В то же время и государства, а их реализация выступает воплощением справедливости гражданское общество первично: оно является решающей предпосылкой правового государства. Правовое государство – это такая форма организации и деятельности государственной власти, которая строится во взаимоотношениях с индивидом и их различными объединениями на основе норм права. При этом право играет приоритетную роль лишь в том случае, если оно выступает мерой свободы всех и каждого, если действующий закон реально служит интересам народа. Представителям экономической науки видится нелогичным, что роль государства на стадии модернизации должна быть усилена по сравнению с периодом реформ, в первую очередь заключающихся в либерализации. Причем, модернизация сверху – функции государства первостепенного формирования законодательства, обеспечивающего законность и правопорядок. Из данных рассуждений следует вывод, принцип верховенства закона в последние годы не только не укреплен, но и пострадал (послужить власти важнее закона). Реального усиления государства в модернизации экономики не про-

²¹ О необходимости вмешательства государства в экономику и иное регулирование общественных отношений см., напр.: *Иванов А.М.* Пределы государственного вмешательства в развитие экономики по Конституции Республики Корея. // *Право – Политика – Закон*, №3, 2003, с.39-45; Развитие корейской экономики: уроки переходного периода. / Под ред. Н.В. Кузнецовой и И.А. Толстоулакова: Учебное пособие. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001; *Иванов А.М., Корчагин А.Г., Щербаков А.В.* Экономические преступления: политико-правовые аспекты. – Владивосток, 1999.

²² Ср. об этом: *Kim Iljoong.* The Role of the Three Branches of Government for the Rule of Law and the Free Market in Korea. Korea Economic Research Institute, 1995. Pp.32-33; а также: Мазуров В.М. От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин). – М., 1996. с.165-166.

²³ Выражение «невидимая рука» было предложено еще Адамом Смитом. В наше время оттенок этого выражения, пожалуй, можно проследить в сочетании «мировая закулиса», оставленного нам И.А. Ильиным.

²⁴ *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М., 1999. С.621.

²⁵ *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. – М., 2000. С.172-173.

²⁶ Там же, с.174.

Трансформация правовых и политических систем

исходит.²⁷ На наш взгляд, развитие законодательства еще не свидетельствует о наличии общественно-правовой государственности. В современной России стремительно развивается законодательство. Только на федеральном уровне принято более двух тысяч законов.

Российское законодательство о защите конкуренции в основном восприняло опыт европейской системы антимонопольного регулирования, которое выражается в принципе регулирования и контроля монополистической деятельности. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. «О защите конкуренции»²⁸ регулирует отношения, связанные с защитой конкуренции как на товарных рынках, так и на рынке финансовых услуг (банковские услуги, страховые услуги, рынок ценных бумаг). По замыслу разработчика Закона о защите конкуренции он должен был устранить недостатки ранее действовавшего антимонопольного законодательства, адаптировать регулирование конкурентных отношений к реалиям российской экономики. Нормы защиты конкуренции содержатся не только в Законе о защите конкуренции, но и в ряде других Федеральных законов: Конституции РФ, Гражданском кодексе РФ, Федеральных законах от 13 марта 2006 «О рекламе»,²⁹ от 17 августа 1995 г. «О естественных монополиях»,³⁰ от 22 апреля 1996 г. «О рынке ценных бумаг»,³¹ от 26 декабря 1995 г. «Об акционерных обществах»,³² от 3 февраля 1996 г. «О банках и банковской деятельности»,³³ от 31 декабря 1997 г. «Об организации страхового дела в Российской Федерации».³⁴

Однако обилие нормативных правовых актов создает лишь иллюзию юридического благополучия. Очевидные проблемы существуют в сфере правотворчества, но наибольшее беспокойство вызывает сфера реализации права (правоприменение). К сожалению, ситуация нравственного кризиса усугубляется сознательным отчуждением российского общества от права и закона. А это, в ряде случаев, может приводить и приводит к ошибочным выводам о том, что «на всем протяжении истории российское общество никогда по-настоящему не уважало право, не верило в его силу и возможность служить средством согласования разнообразных институтов,

действенным регулятором социальных процессов».³⁵ Однако, вспомним, хотя бы, Александра Невского: «Бог не в силе, а в правде»... Задача правоведов, думается, состоит не в малой степени в том, чтобы разрабатывать законы, отвечающие чаяниям народа, тогда и проблемы с правоприменением утратят свою болезненность.

Библиография:

1. Исаков И.Н. Современное обоснование теоретических основ Российской правовой политики. // Актуальные проблемы Российского права, 2009, №2.
2. Henry M. Boies. The Science of Penology. The Defence of Society against Crime. – New York, London, 1901.
3. Нерсисянц В.С. Права человека в истории политической и правовой мысли (от древности до Декларации 1789 г.). Цит. по: Абдулаев М.И. Права человека и закон: историко-теоретические аспекты. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004.
4. Абдулаев М.И. Права человека и закон: историко-теоретические аспекты. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004.
5. Квачева П.И. Социогенез идеи личности и государства (теоретико-правовое исследование). // Автореф. дис. ... док. юрид. наук. – М., 2002.
6. Симеонова И.В. Права граждан: политико-правовая природа (опыт болгарского конституционализма). // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.
7. Сидоров В.А. Право на защиту чести и достоинства: соотношение права и морали. // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
8. Susanne Karstedt, Gary Lafree. Democracy, Crime, and Justice// The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science, 2006, May 4.
9. Момот В.В. Формирование русского средневекового права в IX – XIV вв. // Автореф. дис. ... док. юрид. наук. – М., 2003.
10. Экимов А.И., Сауляк О.П. Обеспечение законности как гарантия реализации прав человека. // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: Сб. статей./ Под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2003.
11. Александрова А.П. Защита социально-экономических прав и свобод: общетеоретический анализ. // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2002.
12. Белянская О.В. Механизм непосредственной реализации прав и свобод личности. // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2003.

²⁷ Ясин Е. Государство и экономика на этапе государственности. // Вопросы экономики, 2006, № 4. с.4-30.

²⁸ Собрание законодательства РФ, 2006, № 31, Ст.3434.

²⁹ Собрание законодательства РФ, 2006, № 12, Ст.1232.

³⁰ Собрание законодательства РФ 1995, № 34, Ст.3426.

³¹ Собрание законодательства РФ, 1996, № 17, Ст.1918.

³² Собрание законодательства РФ, 1996, № 1, Ст.1.

³³ Собрание законодательства РФ, 1996, № 6, Ст.492.

³⁴ Собрание законодательства РФ, 1998, № 1, Ст.4.

³⁵ Сауляк О.П. Правопорядок в российском обществе: издержки либеральной модели // Законодательство и экономика, 2005, №7. с.5-8.

13. Зеельманн К. Философия права. / Пер. с нем. – Владивосток, 2003.
14. Иванов А.М. Пределы государственного вмешательства в развитие экономики по Конституции Республики Корея. // Право – Политика – Закон, №3, 2003.
15. Ср. об этом: Kim Iljoong. The Role of the Three Branches of Government for the Rule of Law and the Free Market in Korea. Korea Economic Research Institute, 1995.
16. Выражение «невидимая рука» было предложено еще Адамом Смитом. В наше время оттенок этого выражения, пожалуй, можно проследить в сочетании «мировая закуска», оставленного нам И.А. Ильиным.
17. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М., 1999.
18. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – М., 2000.
19. Ясин Е. Государство и экономика на этапе государственности. // Вопросы экономики, 2006, № 4. Собрание законодательства РФ, 2006, № 31, Ст.3434. Собрание законодательства РФ, 2006, № 12, Ст.1232. Собрание законодательства РФ 1995, № 34, Ст.3426. Собрание законодательства РФ, 1996, № 17, Ст.1918. Собрание законодательства РФ, 1996, № 1, Ст.1. Собрание законодательства РФ, 1996, № 6, Ст.492. Собрание законодательства РФ, 1998, № 1, Ст.4. Сауляк О.П. Правопорядок в российском обществе: издержки либеральной модели // Законодательство и экономика, 2005, №7
6. Simeonova I.V. Prava grazhdan: politiko-pravovaya priroda (opyt bolgarskogo konstitucionalizma). // Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – М., 2001.
7. Sidorov V.A. Pravo na zaschitu chesti i dostoinstva: sootnoshenie prava i morali. // Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – М., 2003.
8. Susanne Karstedt, Gary Lafree. Democracy, Crime, and Justice// The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science, 2006, May 4.
9. Momot V.V. Formirovanie russkogo srednevekovogo prava v IX – XIV vv. // Avtoref. dis. ... dok. jurid. nauk. – М., 2003.
10. Ekimov A.I., Saulyak O.P. Obespechenie zakonnosti kak garantiya realizacii prav cheloveka. // Rossiyskaya i evropeyskaya pravozaschitnye sistemy: sootnoshenie i problemy garmonizacii: Sb.statey./ Pod red. V.M. Baranova. – Nizhny Novgorod, 2003.
11. Aleksandrova A.P. Zashchita social'no-ekonomicheskikh prav i svobod: obscheteoreticheskiy analiz. // Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Kazan', 2002.
12. Belyanskaya O.V. Mehanizm neposredstvennoy realizacii prav i svobod lichnosti. // Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Saratov, 2003.
13. Zeel'mann K. Filosofiya prava. / Per. s nem. – Vladivostok, 2003.
14. Ivanov A.M. Predely gosudarstvennogo vmeshatel'stva v razvitie ekonomiki po Konstitucii Respubliki Koreya. // Pravo – Politika – Zakon, №3, 2003.
15. Sr. ob etom: Kim Iljoong. The Role of the Three Branches of Government for the Rule of Law and the Free Market in Korea. Korea Economic Research Institute, 1995.
16. Alekseev S.S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya. – М., 1999.
17. Bekkaria Ch. O prestupleniyah i nakazaniyah. – М., 2000.
18. Yasin E. Gosudarstvo i ekonomika na etape gosudarstvennosti. // Voprosy ekonomiki, 2006, № 4. Sbranie zakonodatel'stva RF, 2006, № 31, St.3434. Sbranie zakonodatel'stva RF, 2006, № 12, St.1232. Sbranie zakonodatel'stva RF 1995, № 34, St.3426. Sbranie zakonodatel'stva RF, 1996, № 17, St.1918. Sbranie zakonodatel'stva RF, 1996, № 1, St.1. Sbranie zakonodatel'stva RF, 1996, № 6, St.492. Sbranie zakonodatel'stva RF, 1998, № 1, St.4. Saulyak O.P. Pravoporyadok v rossiyskom obschestve: izderzhki liberal'noy modeli // Zakonodatel'stvo i ekonomika, 2005, №7

References (transliteration):

1. Isakov I.N. Sovremennoe obosnovanie teoreticheskikh osnov Rossiyskoy pravovoy politiki. // Aktual'nye problemy Rossiyskogo prava, 2009, №2.
2. Henry M. Boies. The Science of Penology. The Defence of Society against Crime. – New York, London, 1901.
3. Nersesyanc V.S. Prava cheloveka v istorii politicheskoy i pravovoy mysli (ot drevnosti do Deklaracii 1789 g.). Cit. po: Abdulaev M.I. Prava cheloveka i zakon: istoriko-teoreticheskie aspekty. – SPb.: Izd-vo «Yuridicheskij centr Press», 2004.
4. Abdulaev M.I. Prava cheloveka i zakon: istoriko-teoreticheskie aspekty. – SPb.: Izd-vo «Yuridicheskij centr Press», 2004.
5. Kvacheva P.I. Sociogenez idei lichnosti i gosudarstva (teoretiko-pravovoe issledovanie). // Avtoref. dis. ... dok. jurid. nauk. – М., 2002.